

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

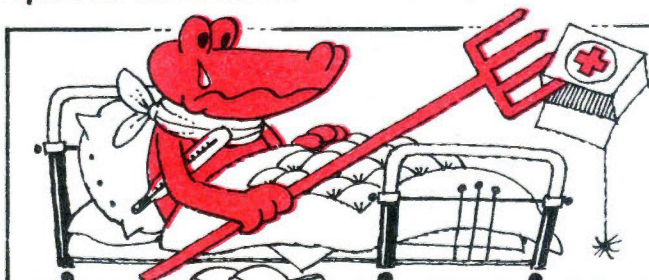
№ 13

МАЙ 1989

— Когда Леонсио отправил Изауру на плантацию, у меня сердце кровью облилось!

Рисунок В. ПОЛУХИНА.

Как вылечить лекарственную индустрию?

Стр. 4.

БОЛЬНОЙ, ИЩЕЛИСЯ САМ...

Очередь в аптеке продвигалась на удивление быстро.

- Валидол, пожалуйста.
- Валидола нет.
- Тогда капли Вотчела.
- Тоже нет.
- Капли Зеленина?
- Нет!
- А мне микстуру Кватера можно заказать?
- Заказать можно, получить нельзя! Не из чего приготовить...
- А таблетки валерьяны есть?
- Нет.
- Горчичники есть? Анальгин есть?
- Нет ни того, ни другого.
- Послушайте,— возмутился кто-то из очереди,— а что у вас есть?
- Постановление об улучшении обеспечения населения лекарствами...

Тут бы всем радостно улыбнуться находчивости фармацевта, но почему-то никто улыбаться не хотел.

Напрасно. Радость — это тоже лекарство. Как сказал кто-то великий, лучше маленькая радость, чем никакой...

Так вот, о радостях. Они бывают долгосрочные, как хроническая болезнь, и сиюминутные, как одноразовый шприц (которых у нас, к слову, все еще нет).

Недавно меня обьяла сиюминутная радость: я узнал, что план производства лекарств в 1988 году выполнен на 100,8 процента.

— Это же прекрасно! — возликовал я. — Наконец-то больные и врачи вздохнут с облегчением. Шутка ли — выпущено в свет лекарств почти на тридцать миллионов рублей больше, чем запланировано.

Увы, как выяснилось, радость была недолгой. Вслед за этой ошеломительной новостью пришла другая, не менее волнующая. Как заявил первый заместитель министра здравоохранения СССР И. Денисов, наша медицинская промышленность удовлетворяет потребности в лекарствах всего-навсего на 44,3 процента.

Да, пожалуй, с радостью я несколько поторопился. Столь внушительное перевыполнение на проверку оказалось оглушительным дефицитом. Причем официально узаконенным, о чем, для сведения медработников, объявил Всесоюзный центр научно-фармацевтической информации. Мол, не выписывайте, товарищи медики, того, чего нет в аптеках.

Судя по всему, лекарственная индустрия у нас пока тяжко больна, раз не может обеспечить страну необходимыми препаратами. Впрочем, слово «индустрия» к нашему производству лекарств имеет самое отдаленное отношение — первоначальный смысл его в переводе с латыни означает УСЕРДИЕ.

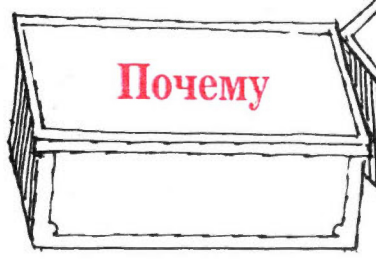
Но о каком усердии предпринятий Медбиопрома можно говорить, когда по главным параметрам — количеству и качеству — ее продукция безбожно отстает от всех мыслимых уровней?

— Шестьсот остро необходимых препаратов она вообще не выпускает, — рассказал мне А. Апазов, генеральный директор всесоюзного объединения «Союзфармация» (бывший аптечный главк Минздрава СССР). А теми, что производятся, мы обеспечены не пол-

ностью. При этом, — продолжал Александр Дмитриевич, — 80 процентов лекарств аптеки и больницы получают в четвертом квартале.

— Значит, больные, для которых они предназначены, — догадался я, — просто обязаны не болеть до конца года!

Из дальнейшего разговора я узнал, что вновь созданные лекарства осваиваются производством порой по восемь — одиннадцать лет. За это время они настолько устаревают, что просто перестают быть лекарствами.

Дефицит медикаментов приводит к вполне ощутимым потерям. Разумеется, трудно определить степень виновности нашей медицинской промышленности в том, что число больных растет из года в год. Но факт остается фактом: в 1986 году из-за временной нетрудоспособности — по болезни или уходу за больными малышами — ежедневно не работало почти ЧЕТЫРЕ МИЛЛИОНА человек, в 1987 году — уже БОЛЕЕ четырех миллионов. Прошлый год здоровее не стал.

А Александр Дмитриевич продолжал подбрасывать факты, которые вводили на размышления.

— У нас, — говорил он, — самый низкий среди развитых стран уровень потребления лекарств на душу населения. За последние 15 лет мы обновили арсенал лекарств в четыре раза меньше, чем в других странах. Скажем, ассортимент кардиологических средств не обеспечивает необходимый уровень фармакотерапии. Мы не имеем препаратов, которыми за рубежом лечат половину больных гипертонией...

Честное слово, я растерялся. Какие самые иронические фельетонные фразы можно сравнить с этими сухими словами? А вот что сказано о перспективе:

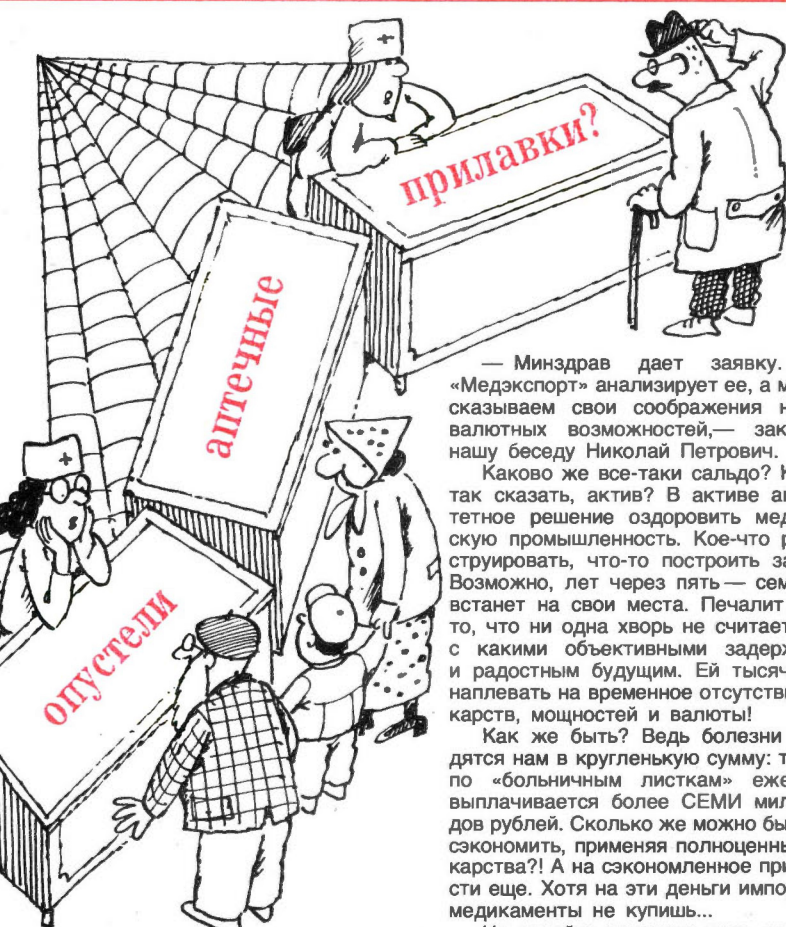
— Есть все основания считать, что отставание в кардиологических средствах сохранится и на будущую пятилетку...

Судьба лекарств для сердечников ничуть не лучше судьбы препаратов для лечения, например, онкологических больных (о многих из медикаментов мы даже слыхом не слыживали). Нет у нас антибиотиков нового поколения, новейших препаратов против язвенной болезни, от сахарного диабета и т.д.

Тысячу раз был прав мудрец, изрекший, что судьба не всегда вместе с болезнью посылает нам лекарство от нее. Но ведь надеяться на судьбу в решении лекарственной ситуации — все равно, что ожидать, будто урожаи удвоятся по указанию Госагропрома!

И я пошел в то ведомство, которое формирует лекарственную судьбу.

— За последние пятнадцать лет

— Минздрав дает заявку. В/О «Медэкспорт» анализирует ее, а мы высказываем свои соображения насчет валютных возможностей, — закончил нашу беседу Николай Петрович.

Каково же все-таки сальдо? Каков, так сказать, актив? В активе авторитетное решение оздоровить медицинскую промышленность. Кое-что реконструировать, что-то построить заново. Возможно, лет через пять — семь все встанет на свои места. Печалит лишь то, что ни одна хворь не считается ни с какими объективными задержками и радостным будущим. Ей тысячу раз наплевать на временное отсутствие лекарств, мощностей и валюты!

Как же быть? Ведь болезни обходятся нам в кругленькую сумму: только по «больничным листкам» ежегодно выплачивается более СЕМИ миллиардов рублей. Сколько же можно было бы сэкономить, применяя полноценные лекарства?! А на сэкономленное приобрести еще. Хотя на эти деньги импортные медикаменты не купишь...

Но давайте взглянем туда, где расходуется конвертируемая валюта. Есть достоверные данные, что в прошлом году ЗАКУПЛЕННОГО НА ВАЛЮТУ бездействующего оборудования для предприятий валялось на ПЯТЬ МИЛЛИАРДОВ инвалютных рублей! Например, Минхимпром СССР, поставляющее сырье для многих лекарств, как-то закупило для объединения «Ставропольполимер» оборудования на 3,7 миллиона инвалютных рублей. Оборудование пролежало без дела два года, после чего, по указанию министерства, было разобрано по винтику да по шпунтику для «эксплуатационных нужд». На эти нужды удалось приспособить шпунтиков на 187 тысяч рублей, остальные 3,5 миллиона золотых, деликатно говоря, растворились в министерском хаосе. Это лишь один из десятков случаев, как «химичат» с инвалютой. Даже ведомство, производящее лекарства, умудрилось омертвить валюту в оборудовании за три года на 68 миллионов. Это сколько же необходимых лекарств можно было бы приобрести, сколько людей вылечить! А сколько медикаментов, извините, оговорился, миллионов золотых рублей, пропадает в залежах неходовых импортных товаров, закупленных «разноэкспортом» и другими нестерпимо престижными контрами! За три последних года, включая прошлый год, когда полки магазинов были наполовину или совсем пустыми, на складах валялся никому не нужный импорт на ЧЕТВЕРТЬ МИЛЛИАРДА валютных рублей. На этот раз это был импортный брак, закупленный малокомпетентными внешторговцами.

И представьте, не болят головы и у этих высокоответственных товарищей. Впрочем, ясно почему: престижные дяди из престижных контор лекарства не покупают, а «достают». Между этими словами большая разница! Но если невозможно обеспечить больницы и население лекарствами, остается уповать на бабушкин заговор, а, стало быть, аптеки закрыть, фармацевтов уволить, мединституты перепрофилировать — выпускать дипломированных знахарок. Пошепчут — и хворь как рукой снимает. Надежно, выгодно, удобно!

— Много хороших лекарств мы покупаем за рубежом...

Тут мне вспомнился недавний разговор в редакции, когда к нам пришел посетитель и рассказал, что ему после операции на сердце врачи велели длительное время принимать аспирин. Но тот аспирин, который делается у нас, вызывает язву желудка. Как быть?

— А вы поезжайте за границу, — сказали врачи. — Там в любой аптеке продается аспирин «Ц». Стоит он буквально копеечки и абсолютно безвреден.

— Разумеется, — сказал оперированный, — поеду за границу я с удовольствием, но обойдется это мне в копейку...

По этому поводу хорошо информированный сотрудник редакции заметил, что в Одессе легче позолотить статую Дюка, чем купить флакончик валокордина...

Увы, слова «много лекарств», о чем поведал госплановец Н. Шеблыкин, вовсе не означали, что их достаточно. Выяснилось: потребность в медикаментах даже с учетом импорта сегодня удовлетворяется примерно на две трети. В среднем! А некоторые импортные медикаменты рассчитаны на весьма узкий круг высокоответственных больных.

— Кто же ведает приобретением лекарств? — спросил я.

Рисунок А. ПЯТКОВА, г. Свердловск.

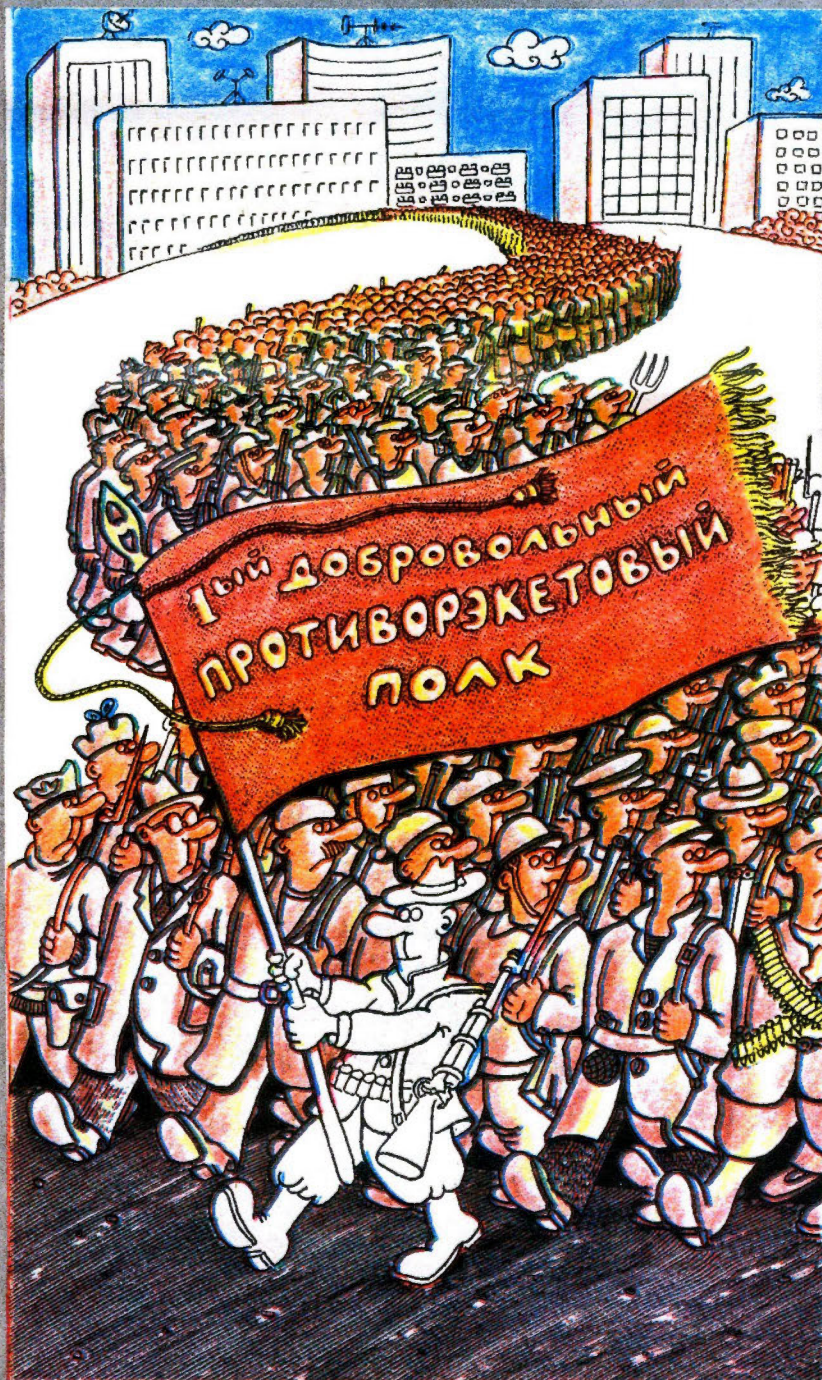

Рисунок В. ЛУГОВКИНА.

— Не кричи, моя маленькая!

Рисунок Р. САМОЙЛОВА.

Рисунок В. МОКИЕВСКОГО (г. Нарва), представленный на конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

МИНУЩЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ...

Моя жизнь — сражение!

К 150-летию со дня смерти Ф.В. Давыдова

В 1803 — 1804 годах в Петербурге, а затем — и в других городах России обрели широкую известность разошедшиеся по множеству списков злые и меткие политические сатиры и басни.

Уже начало одной из них — «Река и Зеркало» — звучало необычно для басни: За правду колкую, за истину свякую, За сих врагов царей, десло́т Вельможу осудил: главу его седую Велел снести на шкэфот.

Осужденный добивается встречи с грозным царем, чтобы поведать ему... притчу о неразумном ребенке, увидевшем в зеркале свое некрасивое отражение и поспешившем от него избавиться, разбив дерзкое стекло. Однако на другой день, гуляя в поле, то же отражение глухой мальчик увидел в реке, с которой он ничего поделать не мог.

— Я — зеркало: разбей меня!
Река — твое потомство:
Ты в ней найдешь еще себя! — бесстрашно говорит царю поборник истины.

Необычным был и конец басни: *Монарха речь сия так сильно убедила, Что он велел и жизнь, и волю дать... Пойдите, виноват!* — велел в Сибирь сослать, А то бы эта была на басно походила.

В другой басне — «Голова и Ноги» — олицетворявшие подданных Ноги говорили надменной и глупой Голове, требовавшей от них беспрекословного повиновения, поскольку «самой природой ей определено повелевать»:

— А прихоти твои нельзя нам исполнять, Да между нами, ведь признаться,

Коль ты имеешь право управлять, То мы имеем право сплотиться — И можем иногда, споткнувшись — как же быть, Твое величество об камень расшибить.

В скором времени в списках разошлась новая дерзостная басня «Орлица, Турхутан и Тетерев», в которой шла речь об убийстве жестокого и злого царя птиц — кулика Турхутана, с которым расправились его подданные.

Убили петуха!
Не стало Турхутана! — Избавились тирана!

читавшим эти строки было ясно, что речь идет о памятном всем недавнем убийстве Павла I.

В басне убитого сменил на троне глупый глухой Тетерев (читатели понимали, что теперь неизвестный автор имел в виду уже Александра I, который был глуховат), при бестолковом правлении которого «суицид стал разврат во всем дичинном царстве».

Поиски автора дерзостных сатир не были долгими — им оказался двадцатилетний корнет кавалергардского полка Денис Давыдов. Волею судеб и высшего начальства отважный стихотворец вынужден был незамедлительно покинуть блестящий кавалергардский полк, гвардию, столицу и уехать в глухую провинцию, в армейский гусарский полк. Однако именно там, оказалось, и была истинная стихия будущего поэта-партизана. Под его пером рождаются удалые гусарские стихи и песни, прославляющие лихость, бесстрашие, отвагу — и на поле боя, и на дружеской пирушке:

Стукнем чашу с чашей дружно!
Ныне пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее.

Нут-ка, кивер набекрень,
И — ура! Счастливей день!
Презирая угодничество и низкопоклонство, позволяющие, избегая опасности сражений, обрести высокие чины и ордена, Давыдов клянется хранить верность боевому гусарскому братству — в случае измены ему заслуженной карой он почитает неправедным путем полученные награды:

Пусть фортуна для досады
К умножению всех бед

Даст мне чин за вахтпарады
И Георгья за совет!
И позднее благодаря хлопотам влиятельных знакомых вернувшись в Петербург и ставший офицером лейб-гусарского полка, Давыдов оставался противником пышной роскоши и светской чопорности:

Я на чердак переселился —
Жить выше, кажется, нельзя!
С швейцаром, с кучером протислся,
И повара лишился я.

1) Высшим военным орденом — святого Георгия — награждались лишь за храбрость в бою, а не за участие в военном совете.

Толпе заимодавцев знаю
И без швейцара дать ответ —
Я сам дверь важно отворяю
И говорю им: дома нет!

Репутация свободомыслящего, политически опасного человека, закрепившаяся за Давыдовым в высших сферах, сопутствовала ему всю жизнь. Она была причиной многих несправедливостей и бед, которые довелось пережить поэту-гусару. Врушивши свое имя в историю Отечественной войны 1812 года, ставший значителем партизанского движения, в корне изменившего ход военных действий, Давыдов, слава которого шагнула далеко за пределы России, неожиданно был лишен генеральского чина как присвоенного ему... по ошибке. Прошло более года, прежде

чем справедливость была восстановлена... «Моя жизнь — сражение!» — эти слова Давыдов поставил эпиграфом к своим военным запискам. С полным основанием он мог бы взять их эпиграфом и к своей жизни. Поэт-партизан до самой смерти неизменно находился в сражении. Заменяв лихую гусарскую саблю быстрым и пламенным пером, он метко разил явных и скрытых противников на страницах своих произведений.

На скачку, на борьбу готов,
И, чтимый выродком глупцами,
Он, расточитель острых слов,
Их хлещет прозой и стихами.

Давыдов ненавидел великосветское общество с его лицемерием и бездушием, кото-

рое он хорошо знал и которое стремился избежать.

Бегу век собирая,
Где жизнь в одних ногах,
Где благосклонности передаются весом,
Где откровенность в кандалах,
Где тело и душа под прессом,
Где спесь да подлости,
Вельможа да холоп,
Где заслоняют нам
вихрь танца эполеты...

Презиравший штабных «теоретиков», любителей стратегии и тактики на бумаге, превосходивших таланты французского генерала Жюмина, перешедшего на русскую службу и обучавшего науке воевать недавних своих победителей, поэт-партизан с горькой иронией писал о молодых офицерах, столь непохожих на гусар прежних лет:

Говорят, умней они...
Но что слышим от любого?
Жюмини да Жюмини!
А об водке — ни полслова!

Сатирический талант Давыдова проявился и в его военных записках, на страницах которых рассыпаны саркастические характеристики высочайших особ и их приближенных. Немало внимания уделяет автор и Александру I, возненавидевшему его за дерзостные басни и преследовавшему до самой своей смерти. «Поистине женское кокетство было главным причиной того, почему он с такою скромностью не раз отказывался от подносимой ему Георгиевской ленты, которой черные и желтые полосы не могли идти к блондину, каким был император Александр», — иронически замечает Давыдов.

Не раз мелькает на страницах воспомина-

ний мрачная тень вселисного временщика графа Аракчеева, некоторое время бывшего военным министром. Однажды, рассказывает Давыдов: «Содержание лошадей в артиллерии весьма важно», генерал А. П. Ермолов язвительно заметил: «Жаль, ваше сиятельство, что в артиллерии репутация офицеров зависит от скотов».

Творчество Дениса Васильевича органически завершает «Современная песня», высмеивающая лицемерные разглагольствования краснобаев, скрывающих под модными масками либералов философию крепостников:

Всякий маменькин сынок,
Всякий обирала,
Модных бредней дурачок
Кочит либерала...
А глядишь, наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус да в рыло.
А глядишь, наш Лайфайет,
Брут или Фабриций
Мужиков под пресс кладет
Вместе с свекловичей.

Преисполненный воинственной отваги, прошедший лучшие годы жизни в огне сражений, Денис Давыдов считал себя прежде всего воином и только потом поэтом. Всегда готовый при звуках боевой трубы, нарушившей мирную тишину, принести жизнь на алтарь Отечества, он писал:

Пусть грянет Русь военной грозой —
Я в этой песне — запевала!

Алексей КОРНЕЕВ.

— Не хотите шашлык — купите шапку, у нас технология безотходная. Рисунок И. НОВИКОВА.

В своей конторе Козырев слыл радикально мыслящим. Чего бы ни коснулся разговор, будь это профилактика преступности или борьба с алкоголизмом, у него всегда наготове собственные парадоксальные и крайне максималистские предложения для решения проблемы. Трудных подростков обоих полов, например, он считал необходимым вешать на фанерных столбах задолго до совершения преступления, а ликвидацию пьянства видел в полном прекращении производства этилового спирта для каких бы то ни было надобностей и в уничтожении любого сырья, из которого этот спирт можно добыть.

В подобных случаях сослуживцы, слушая его высказывания, ужасались, возмущались, спорили, приводили, казалось бы, неопровержимые возражения, но Козырев прямо стоял на своем. Утешало лишь то, что Козырев не обладал властью, не выступал в печати, будоража общественное мнение, и его идеи всеерьезно не воспринимались — значит, люди могли спать спокойно.

Не так давно Козырев снова вывел своих коллег из равновесия. Все началось с невинной жалобы Эльвиры Егоровны по поводу мыла. Трудно, мол, с хозяйственным мылом, а туалетным за рубль кусочек не настираешься!

— Да! — поддержал ее многодетный Еремеев. — Жена тоже расстраивается. А карамель, пастила, мармелад? Куда подевались? Ребята покоя не дают.

— Хорошую книгу не купить, — грустно покивал интеллектуал Гвоздиков. — За Булгаковым шесть лет гоняюсь, пока без результата.

— Цветики! — вмешался Козырев. — Скоро вообще ничего не будет, все раскупят. Если наши умники будут по-прежнему ограничиваться полумерами, можно сразу закрывать все магазины.

— Неужели?! — испугалась Эльвира Егоровна. — Как жить без магазинов? А какие меры вы предлагаете?

— Радикальные! — важно ответил Козырев. — Если бы реформу цен сделали по моему образцу, все прилавки были бы завалены товарами. Никакого дефицита!

— Как?! Каким образом? — раздальсь голоса.

— Элементарно. Я повысил бы цены.

— Господи! Они и так лезут вверх! — воскликнул Еремеев.

— Вот именно! — мрачно улыбнулся

Козырев. — Лезут и ползут. А нужно, чтобы они взлетели. Как сокол.

— С ума сошли! — возмущился Гвоздиков.

— Ничуть! — Козырев глядел снисходительно. — Пусть варена колбаса, скажем, будет стоить сто рублей за килограмм, сливочное масло двести, дамские сапоги тысячу, а автомобиль, к примеру, миллион. Уверю, растут всякие очереди, продавцы станут улыбаться покупателям, в столицу перестанут приезжать «го-сти» за товарами, станет свободно в поездках, в общественном транспорте. Рай зем-

Леонид НАУМОВ

Рассказ

ной! И все накопления в сберкассах исчезнут за несколько дней, представляете, какая выгода государству? И вы, — он обратился к Гвоздику, — сможете купить своего Булгакова в любом книжном киоске.

— За сколько? — насторожился Гвоздиков.

— Какая разница! Сотни за четыре, наверно.

— За четыреста рублей! — ахнул Гвоздиков. — Откуда у меня такие деньги! Лучше я за четвертак у спекулянтов куплю.

— Тогда торопитесь, — посоветовал Козырев. — При новых ценах никаких спекулянтов не будет. Зачем они нужны, если всего навалом!

— Не понимаю! — Щеки у Эльвиры Егоровны пошли пятнами. — Кто же станет покупать колбасу за сто рублей?

— Кому надо, тот купит.

— Мне надо.

— На здоровье.

— На какие деньги? — Голос у Эльвиры Егоровны дрожал. — Вы что, мою зарплату не знаете?

— Знаю.

— Как же тогда?

— Не покупать.

— Интересно! Мой муж без мяса не может!

— Сможет, — заверил Козырев. — Привыкнет. Будет есть репу, брюкву, свеклу, хлеб. И дешево, и для здоровья полезно. Что хорошего в мясе или в масле? От них один склероз.

— Если по-вашему, то и брюква подорожает?

— Несомненно, но процентов на пятьсот, не больше.

— Глупости! — стукнул кулаком по столу Еремеев. — Бред! Пусть уж лучше все остается по-старому.

— Отсталый вы, — пожал плечами Козырев. — Консерватор, боитесь радикальных перемен.

— А как вы сами предполагаете жить при таких ценах? — ехидно спросил Гвоздиков.

— Нормально, — ответил Козырев. — Идея сэкономит сотни миллионов. Неужели мне за нее не отваяют пару миллиончиков? А не дадут, тоже не пропаду. Есть у меня соображения, плановик все-таки.

От такой наглости сослуживцы закипели, но Козырев не сдавался и гнул свою финансовую линию.

Конечно, подобные перепалки не могли долго сидеть взаперти, выплеснулись за двери конторы и достигли коридоров родного главка. Наверное, поэтому начальник главка вызвал Козырева к себе, считая, что плюрализм мнений следует поощрять.

— Так-так! — раздумчиво произнес он, выслушав козыревскую ценоконцепцию. — Но здесь есть подводные камни.

— Нет камней! — отверг Козырев.

— А реакция населения? Есть же малооплачиваемые, многодетные, пенсионеры. Как они к этому отнесутся?

— Если хорошо будет организована

воспитательная работа, поймут правильно. Я сам вышел из народа, знаю! — убеждал Козырев. — Дефицит всем надоел, высокие же цены вызовут резкое снижение спроса на товары, да и производить их придется самую малость. Одной обувной фабрики с лихвой хватит на всю страну. Появятся реальные экономия и бережливость. Хлеб перестанут выбрасывать на помойку, станут сушить из него сухари. Нет, отличная жизнь наступит. Кстати, появится еще одна немаловажная выгода, отпадет надобность в конвертируемости нашего рубля, о которой так много говорят.

— Как это?! — удивился начальник главка.

— Очень просто! — гордо пояснил Козырев. — Покупаем мы, к примеру, за границей кофе по пять долларов за килограмм, а продавать в магазинах станем этот же кофе по пять тысяч рублей. Пусть доллар стоит выше рубля, но не настолько же!

— Позвольте! Никто не купит ваш кофе!

— Купят. Пусть хоть двести человек купят, уже овчинка стоит выделки.

— У людей вовсе исчезнут деньги... — Вот именно! — весело прервал его Козырев. — В этом-то и есть сверхзадача. Оставшись без денег, люди в свободное от основной работы время займется натуральным хозяйством, и в страну вскоре вернется изобилие.

— Ну и ну! — усмеялся начальник главка. — Они просто убегут со своей основной работой!

— Не убегут, если будет постановление, что убежать нельзя. Ведь вы знаете силу постановления?

— Знаю, — кивнул начальник главка нерешительно. — Все равно в ваших рассуждениях чего-то недостает. Да! Нет заботы о благе народа!

— Пустое! — отбил Козырев. — Разве народ знает, что есть благо, а что нет? Для этого начальство поставлено. Между прочим, не мной придумано.

Последние козыревские слова начальника главка понравились. Он взял радикала из конторы, сделал своим референтом, и сейчас они вместе с другими большими мастерами по ценам заседают в какой-то тайной канцелярии, засеая прославить свои имена в веках.

Корее всего, так и будет. У нас не принято забывать о соотечественниках, радующихся о всеобщем счастье.

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА.

Ю. КАЗАНЦЕВ, специальный корреспондент Крокодила

«ИМЕНЕМ ПЕРЕСТРОЙКИ!»

Хотя шлюзы открыты и поток интереснейшей информации затопил державу, тем не менее спрос на информацию сохраняется лютой. Не раз и не два, прознав, что я журналист из центра, окружали меня люди в поездах, гостиницах и даже в самолетах и сыпали вопросами: мол, ты там поближе, скажи, как перестроенная Москва, — как сама перестройка? Не перекроют ли ей бюрократия с плутократией кислород, как это случилось раньше?

На это я бодро отвечал, что перестройка набирает силы и необратима, что бюрократизм сдает позиции, ибо так, как мы жили, жить категорически нельзя!

Да, недавно я рубил сплеча — перестройка необратима! А сейчас категоричности и уверенности во мне поубавилось. И пищу для такого рода сомнений подали те же простые люди, в тех же командировках.

Волинская областная отчетно-выборная конференция шла своим чередом: доклад первого секретаря обкома партии, дебаты по докладу, принятие резолюции и вот выборы нового состава обкома партии. И когда стали зачитывать списки кандидатов, когда было сказано: «Николай Николаевич Найденко, прокурор области» — в зале взметнулась одна рука: мол, прошу слова, имею мнение по кандидату Найденко. Слово дали. Делегат конференции и член обкома партии штукатур Нововольнского строительного управления Л. Кильяченкова, зримо волнуясь, взошла на трибуну и произнесла путаную речь, смысл которой уловить все ж было можно. Кильяченкова была категорически против прокурора Найденко ввиду, как она выразилась, его скандальности и просила его кандидатуру с голосования снять!

Потом объявили перерыв. В перерыве прокурор Найденко подошел к Лидии Ивановне, представился и сказал: «Простите за беспокойство, я был в зале и слышал, как вы мне дали отлуп. А ведь мы даже не знакомы. Чисто из человеческого любопытства хотелось бы знать: отчего такая ко мне неприязнь?»

Женщина растерялась, потерянно залопотала, что зря она полезла в эту историю, и вообще зачем ее «записали в обком», когда у нее и семья, и работа — руки отваливаются, но любимая.

— Еще раз извините, — сказал прокурор и откланялся. Ему стала ясной причина выступления штукатура. Впрочем, а чего он мог ожидать? Что к нему, в прокуратуру, придет делегация от местных органов власти и воспоет осанну? Мол, спасибо тебе, Миколай Николаевич, за то, что предал суду четырнадцать работников аппарата горисполкома и его жилищных органов за взятки! Спасибо и за то, что вывел на чистую воду ответственных товарищей из горисполкома и горкома партии Луцка, которые разделили денежную премию за успехи в промышленности и капитальном строительстве так: деньги — себе, зная — рабочим...

Конечно же, не придут, не поблагодарят. Скорее, наоборот. Но чтобы использовать рядового труженика как слепое орудие — вот этого не ожидал. Да-с, простой, но с высоким кпд способ сворачивать головы негодным! Именем народа и руками демократии.

Прокурор области Н. Найденко с Л. Кильяченковой более не встречался. С ней встретился уже автор этих строк.

Лидия Ивановна — добросовестнейшая и великая труженица. Но, когда разговор зашел о ее членстве в обкоме партии, Кильяченкова меня, призналась, ошарашила. Несмотря на то, что она уже пятый год как член обкома, она до сих пор не знает, «зачем записали в обком — одна трата времени на поездки в область». Не менее я был удивлен и тем, что Лидия Ивановна по сей день не может вразумительно объяснить, почему ни

с того ни с сего она ополчилась на прокурора области с высокой трибуны. «Не подумала толком!» — под конец встречи сконфуженно призналась штукатур.

Это общеизвестно — мы люди простые, можем брякнуть что угодно, с этим свыклись, даже не обращаем внимания. Но уж от делегата да с трибуны мы вправе ждать суждений компетентных, аргументированных, обдуманных, ибо, как настаивал общество еще Сервантес, говорить не думая, это все равно, что стрелять, не целясь. Критикуете кого-

либо? — будьте добры, выкладывайте факты. Предлагаете что-либо? — милости просим обосновать! Все это азы демократии и полемической культуры. Их надо знать! А то ведь под видом так называемой рабочей критики можно оскорбить, ошельмовать достойного человека, особо не задумываясь об ответственности за свои слова. А когда с горе-докладчика требуют факты (это бывает чрезвычайно редко), он мычит в том духе, что университетов не кончал, его дело сиротское и вообще «зачем меня записали в обком».

Почти что весь этот набор, так сказать, оправданий своего поступка мне довелось выслушать и в Омске, от сотрудников конторы «Спецкомплектгазстрой». Тут труженики подписали неизвестно кем составленное письмо, в котором содержалась просьба назначить им начальником... прохиндеем.

Об этом человеке, о последствиях коллективного письма хотелось бы рассказать поподробнее.

Григорий Семенович Монастырский. Привлекался к уголовной ответственности за незаконную торговлю автопокрышками, когда был начальником автоводного треста в Тюмени. Выплатив государству причиненный ущерб, он переназначается из Тюмени в Омск, где тут же возник в должности начальника конторы «Спецкомплектгазстрой», через которую идут поставки двадцати двум газостроительным трестам: железобетон, прокат всевозможный, керамзит, трубы, метизы, радиоаппаратура, телевизоры, мебель и т. д. Монастырский обзаводится обширным кругом знакомств в правоохранительных органах. Он из тех, кого зовут «нужный человек». Он дарит прокуратуре Советского района мебельный гарнитур. Не забывает райком

ВЛКСМ, военкомат... Масса влиятельных знакомств! Он может все! Вскоре Тюмень неизвестно за какие заслуги зазывает Монастырского на должность аж заместителя начальника Главсибжилстроя. Отпустив Главсибжилстрю товаров на 35 тысяч рублей¹, Монастырский катит в Тюмень. Работает, но тут осечка — он не утверждается в должности обкомом Тюмени. Монастырский возвращается в Омск. Приходит в Советский райком партии, рассказывает, будто его карьера не состоялась из-за жены (отказалась ехать в Тюмень) и райкому надлежит освободить место начальника конторы от некоего Смагина, и Монастырский это место займет вновь.

Райком отказал Монастырскому в содействии. Тогда он метнулся в горком. Там тоже не пошли навстречу. И, поскольку все реальные возможности были исчерпаны, произошло невероятное: приказом начальника Главтюменьнефтегазстрой Чижевского Монастырский назначается... начальником над начальником конторы Смагиным. Монастырскому устанавливается персональный оклад. В конторе началась активная кампания по уничтожению Смагина.

Монастырский паковал багаж. Было обидно и жалко себя до слез. Столько сил отдано борьбе! Что ж, прощай Омск, здравствуй Нефтеюганск! Здравствуй новая должность в системе материально-технического снабжения!

— Но скоро, — сказал коллективу конторы Монастырский, — я сюда вернусь!

— А ведь вернется! — оробел конторский люд. — Как водится, отсидится в Нефтеюганске, выговор с него спишут, и вернется начальником! У него связи черт-те какие! Хлебнем лиха от пуза!

Признаться, автор не разделяет опасений конторы — уж слишком оскандалился наш герой. Но принципиальное возвращение Монастырского и иже с ним возможно. На волне перестройки. Благодаря бестолковости нашей и безответственности! Мы-то, что греха таить, одно время подуспокоились: мол, все мы по одну сторону баррикад (тогда, собственно, зачем баррикады? — Ю. К.), все одобряем и поддерживаем политику партии, все идет своим ладом. А это не так! Я бы взял на себя смелость разделить современное общество на три части. В первой группе — борцы за обновление державы. Вторая группа самая многочисленная — это простые трудящиеся, которые не против новаций, но среди которых еще в ходу лозунги «Наше дело телячье!», «Мы люди маленькие» и «Пусть лошадь думает, у нее голова большая». А теперь о третьей группе. Ее членам перестройка ударила по рукам в прямом и переносном смысле: лишила привилегий, выветила истинные лица, заставила покинуть насиженные кресла. А это, согласитесь, по меньшей мере обидно. Конечно, этим гражданам не вернуть старого, но и закон борьбы противоположностей не отменен.

И пусть! Это было бы прекрасно — честная борьба идей! Но, увы! В ход пошли подставные игроки из рабочего класса, в ход идут письма, которые как бы выражают мнение простых тружеников. Раз и как бы сугубо по своей инициативе маляр шельмует достойного человека (как мне сказал прокурор, будь таких выступлений, как Кильяченковой, два-три, его избрание в члены обкома партии могло и не состояться).

Раз, и те же труженики — а хрен с ним, жалко, что ли! — подписывают письмо с просьбой назначить им начальником человека, которого — это поразительно! — они же за глаза называют прохиндеем и баринком.

Товарищи! А ведь он не настолько безобиден — жанр коллективного письма, как может казаться. Вашим письмом можно жонглировать, манипулировать, прилагать в качестве доказательств, убирать негодных людей. И не будем далеко ходить за конкретным примером: плюнул и уволился из конторы, не выдержав прессинга и наездов проверяющих честяга Смагин, покинула контору и железный главух Курочкина — начисто вымотали нервы женщине. Подчеркиваю: в их судьбах огромную роль сыграло письмо, бездумно подписанное тружениками конторы!

Так что, товарищи, давайте-ка кончать с упрощенным пониманием перестройки и своей роли в ней. Сейчас эта роль как никогда велика и ответственна. От нас, простых Ивановых, Петровых, Сидоровых, отныне зависит, кто будет приходить к власти в партии, Советах, профсоюзах. И если и сейчас мы к своим гражданским обязанностям отнесемся бездумно, по формуле «хрен с ним!», то со временем хрен будет и с нами, дорогие друзья, и с перестройкой.

Омск — Тюмень — Нефтеюганск — Луцк — Нововольнск.

¹ Счет был оплачен лишь через год благодаря настойчивости главбуха конторы В. Курочкиной. — Прим. авт.

Рисунок Л. НАСИРОВА.

— Хорошо, что есть дыра в озоновом слое. Весь дым в космос уносит.

Рисунок О. ЭСТИСА.

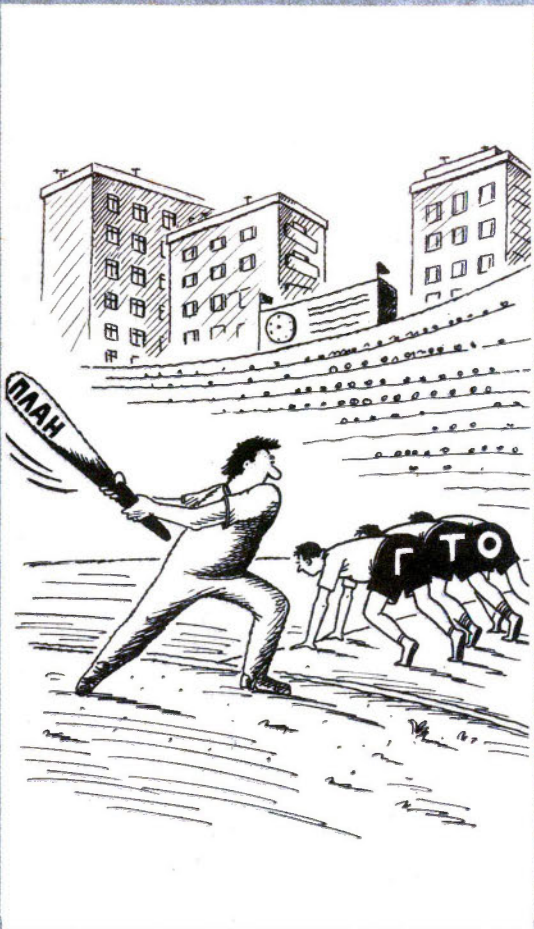

Рисунок А. УМЯРОВА.

— В Москву! В Москву! В Москву!

Рисунок Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО (г. Харьков), представленный на конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

В № 6 журнала «Крокодил» опубликовано интервью со мной под названием «Законы истории проходят через личность». Интервью я давал из Ленинграда по междугородному телефону, текста интервью перед напечатанием я не видел и его не подписывал. В результате в интервью есть явные ошибки. Отец нынешнего политического обозревателя В.Познера был не юрист, а режиссер. Слушать лекции Владимира Соловьева я не мог, так как он умер в 1900 г., а я родился в 1906-м. Но это мелочи сравнительно с тем, что на самом деле я думаю о Крыме и крымских татарах. Крым действительно незаконно (не в соответствии с Конституцией) Н.С.Хрущев подарил Украине, но крымским татарам в 1921 г. не был подарен: крымские татары существовали в нем исторически, и на основе исторических прав в Крыму была образована Автономная Крымская республика крымских татар*. В интервью явный пропуск. Я говорил, что крымским татарам в Крыму должна быть предоставлена автономная область. Только в этом контексте может быть понята следующая фраза: «И немцы в Поволжье должны быть возвращены из восточных районов страны, куда их выселили в 1941 году». Иными словами, немцы также должны быть возвращены на свою родину в Поволжье, как крымские татары на свою родину в Крым. Иначе все мое рассуждение о немцах совершенно бессмысленно.

С уважением
академик Д. С. ЛИХАЧЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя письмо Д. С. Лихачева, редакция хотела бы уточнить некоторые детали. Наше глубокое уважение к академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выразившееся и в том, что он первым открыл новую рубрику журнала, полностью исключает сколь-либо небрежное отношение к тексту беседы. Причиной возникшего недоразумения, видимо, является то, что текст интервью визировался по междугородному телефону. А деловая связь на слух, увы, не самая надежная, в чем мы и убедились.

Что же касается позиции Д. С. Лихачева по вопросу автономии крымских татар, выказанной в его письме в редакцию, то у нас нет оснований отвергать ее. Кроме того, из текста беседы не следует, что Познер был юристом, а лекции Соловьева слушались Д. С. Лихачевым лично.

Надеемся, что взаимные уточнения помогут снять вопросы, которые, возможно, возникли у читателей.

* Официальное наименование «Автономная Крымская Советская Социалистическая Республика» (Прим. ред.).

РОДИНА ВДОХНОВЕНИЯ БОРИСА РУБАШКИНА,

ИЛИ «ОТНОШЕНИЯ К РОССИИ НЕ РАЗМЕНИВАЛ...»

Еще в детстве, исследуя в зарубежных каталогах новинки рока, я не раз изумлялся, что среди лучших изготовителей хитов конца шестидесятых — начала семидесятых — «Криденс» и «Роллинг стоунз», «Юрайя хип» и Харрисона совершенно равноправно уживался экзотичный для западного мира Борис Рубашкин со своим «Казачком» и «Уличными песнями». Причем не в разделе фольклора, а в общем строю, что говорило о громадной его на Западе популярности, и сам факт этот, конечно, интриговал.

Хотя интерес к Борису Рубашкину не ослабевал все эти годы, лишь теперь он смог дать несколько концертов в СССР и рассказать о своей жизни и творчестве.

За кулисы Московского театра эстрады Борис, в черном камзоле, галифе, заправленных в казацки сапоги, явно нервничал. Выпив стакан «Московской» (не путать с водкой!), он подошел к занавесу, перекрестился и стремительно вышел к публике:

— Друзья, я мечтал об этой встрече двадцать лет. Теперь это стало возможным. Более того, я подписал контракт с «Мелодией» на выпуск моей пластинки, и никто не говорил, что мне следует записать и как петь...

...Моему интервью с Борисом Рубашкиным предшествовала беседа с его музыкантами. Фрагменты этого разговора приводятся ниже под условным обозначением «АККОМПАНеМЕНТ».

Итак...
АККОМПАНеМЕНТ. Перед этими гитарными все мы безумно волновались: едем ведь на родину русской песни, как-то примут? Я, например, играю на баяне, и еще задолго до гастрольей знал, какие прекрасные виртуозы-баянисты есть здесь. Конечно, испытывал робость. Но видите — принимают прекрасно, только мечтать о таком можно было. Кстати, многие после концерта подходят, благодарят и просят если не подарить, то хотя бы продать нашу пластинку за любые деньги... Мы бы подарили, но у нас, поверьте, нет ни одной: дело в том, что, когда мы ехали в Москву, побоялись взять с собой пластинки, вдруг на таможне отберут как запрещенные. Оказалось, напрасны были наши страхи: нас вообще не досматривали...

Разговор с самим Рубашкиным после концерта начался несколько неожиданно. Узнав, откуда я, Борис положил мне руки на плечи, заглянул в глаза и с неподдельной тревогой спросил: «А вы в «Крокодиле» за перестройку? Поймите, это сейчас очень важно...»

— Борис, в нашей стране вы широко известный человек. Когда-то вас даже множили «на ребрах», а «фирмен-

Boris Rubashkin
STAATSOOPER WIEN
ESCAMILLO

ные» пластинки доходили на черном рынке до ста — ста двадцати рублей...

— Да, это так и было, к сожалению. Я не знаю, почему. Очевидно, кто-то когда-то меня взял и запретил, и мне неведомо, из каких побуждений.

— Когда человек популярен, а информации о нем не хватает, начинают циркулировать слухи. Вот и о вас говорили, что русским языком вы не владеете, поете чуть ли не по бумажке, а корни ваши, извините, где угодно, но только не тут.

— Что касается корней, то корни моего отца в Ростовской области, а матери — в Болгарии, так что я наполовину русский, наполовину болгарин. Но я воспитан именно в русском духе, как видите, вполне владею языком и с самого детства собирал народные песни. В Болгарии, где я жил, была русская школа, русская церковь, русское общество, там поддерживались традиции. А потом я уехал сначала в Чехословакию, где окончил экономический факультет, а потом в Австрию, где учился на танцора. Поступил в Народный театр в Вене, но вскоре ушел в единственный русский ресторан, который назывался «Жар-птица». Кстати, уже через три месяца вышла статья в местной газете, где говорилось, что, если б я не приехал в Вену, культурная жизнь там была бы бедней... Затем я учился оперному искусству, тогда же вышли мои первые пластинки. В 1967 году поступил в оперу, там оставался десять лет, а потом ушел на вольные хлеба — стал свободным певцом.

— Кстати, поете вы исключительно русские песни. Значит ли это, что ваше творчество было адресовано в основном русскоязычной, точнее, эмигрантской, аудитории на Западе?

— Нет, вовсе нет. За рубежом был один великий человек, который поддерживал всемерно русскую традицию — это Сергей Жаров. Каждый год он устраивал порядка ста концертов в Европе. Европейская публика любит русскую музыку. Пусть она не понимает текст, но темп, разнообразие самой песни... возьмите, к примеру, «Вечерний

звон» и «Калинку», «Колокольчик» и «Коробейники» — такого разнообразия нет ни в одном фольклоре. В мой репертуар входят и другие песни — так называемые «блатные». Но создал их тоже народ. Как американцы создали джаз в Новом Орлеане, так и Одесса начала петь свои песни. Кстати, Гамбург, как и любой, наверное, крупный портовый город, тоже имеет «блатные» песни — там матросы, там иностранцы, проститутки, там убивают и дерутся, и все что угодно, я имею в виду атмосферу...

— Но, по-моему, такого феномена, как русская «блатная» песня, нет нигде в мире?

— Да, совершенно верно. Вы правильно сказали, что это феномен, и именно поэтому у меня, слава богу, хватило смелости выпустить первым пластинку таких песен, чем, кстати, я горжусь...

АККОМПАНеМЕНТ. Ехали мы в Россию и думали, вот, мол, наконец-то купим настоящие российские балалайки. И действительно, все понакупили балалаек, пришли в отель, глядь, а они немецкого производства, из ГДР. То-то мы удивились, неужели на Руси балалайки разучились ладить...

— ...Итак, вы сказали, что западная публика, когда слушала русские песни в вашем исполнении, слов не понимала, но принимала их хорошо. Вы, конечно же, чувствовали, как воспринимают ваши песни, говорили со своими слушателями — я это имею в виду эмигрантов. Возможно, это был своеобразный интерес к экзотике?

— Нет, это в первую очередь музыкальное наслаждение. Я часто разговаривал со своей публикой после концертов, к тому же, может, я и не помер бы с голоду, но уж никак не смог бы выпустить столько пластинок и дать такое количество концертов, если б европейский зритель и слушатель не любил понастоящему русскую песню.

— Если взять, положим, последние двадцать лет, изменялось ли ваше отношение к нашей стране?

— Никогда! Еще детьми мы любили Россию, потому что, еще раз повторю, наши отцы нас так воспитали — любить родину, которую им по различным причинам пришлось оставить. Вы знаете, революция — это непросто, и не только в России, но и в других странах, где события раскидывали людей по свету. Так что свое отношение к России я никогда не разменивал, таких проблем передо мной не стояло. Нету такой цены, которую бы мне кто-нибудь мог заплатить, чтобы я изменил своим чувствам. И я шел этой дорогой, не сворачивая, всегда.

АККОМПАНеМЕНТ. Идем мы как-то по западноевропейскому городу после дневного концерта. Ну, как выступали, так и вышли — в сапогах, шелковых рубахах красных с кистями, у меня балалайка в руке. Вдруг навстречу группа туристов-шотландцев в юбках, увидели нас и ну брататься: «О, туристы из России. Привет, ребята!» И тут же начали восхищаться нашими рубахами, а нам их неловко как-то разочаровать, что мы рубашки в Вене пошили, а сами не туристы... Кстати, мы во втором отделении в тельняшках выступаем, — правда, немецких. А тут утром сегодня Борис приходит со свертком, разворачивает, а там на всех на нас настоящие балтийские тельняшки — где только достал?! Так что и «Мурку», и «Казачок» сегодня работаем в русских тельняшках. Хоть и с немецкими балалайками...

А. БЕНЮХ.

ЛЮБОПЫТСТВО — НЕ ПОРОК?

О том, как опасно интересоваться окружающим миром и вести переписку с заграничными адресатами, 17-летний американец Тодд Паттерсон узнал не так давно. Более шести лет, начиная с 1983 года, агенты ФБР тщательно вели секретное досье на этого школьника из города Норт-Хейлдона. Нет, все эти годы Тодд не готовил заговора против Америки и не пытался организовать террористическую группу. Участь в шестом классе, он решил составить свою личную «мировую энциклопедию» для лучшего познания стран и народов. С этой целью он отправлял письма в посольства иностранных государств в США и в различные организации за рубежом. В них содержались всевозможные вопросы школьника. Когда же завязалась оживленная переписка, Т. Паттерсон с изумлением обнаружил: приходящие на его имя ответы интересуют еще кого-то. Письма часто поступали вскрытыми и поврежденными. А не раз конверты вообще приходили пустыми. В основном такая участь постигала письма из Советского Союза.

И только после того, как Американский союз защиты гражданских прав от имени Т. Паттерсона подал в суд иск, школьнику удалось, хоть и с опозданием, получить часть ответов. После признания ФБР, что это оно действительно вело досье на него, Тодд потребовал прекращения слежки и перлюстрации писем, а также компенсации за нарушение его конституционных прав. На требование же Т. Паттерсона огласить в суде собранное на него досье представитель ФБР заявил, что оно «не подлежит огласке из соображений национальной безопасности». Вот так, не больше и не меньше. И хотя судья А. Уолин пытался выяснить, почему ФБР на протяжении шести лет вело секретное досье на школьника, вразумительного ответа он так и не добился. Можно понять недоумение этого слугителя американской Фемиды, который заявил: «Неужели все дети в возрасте 11—12 лет должны бояться того, что им придется испытать то же самое, что испытал Тодд Паттерсон, если они напишут письмо правительству иностранной державы?»

Очевидно, такой вопрос возникает и у многих американцев, узнавших об этом случае. Интересно, а если американские дошколята, играя в одной песочнице, познакомятся с ребятами из соцстран, на них ФБР заведет досье сразу или подождет, когда они подрастут?

Игорь МИХАЙЛОВ.

ШИФРОВАННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Великое изобретение человечества — характеристика. «Без бумажки ты ничто!» — как поется в песне. Во всех развитых промышленных странах работодатель обязан выдать своему работнику при его увольнении рекомендацию или характеристику. Еще недавно все работники в ФРГ напрямую зависели от того, с какой ноги встал их шеф, в духе ли он на момент выдачи «бумажки». Но теперь в федеральном кодексе четко сказано, что «характеристика должна быть правдивой и соотносываться с тем, чтобы уволенный работник мог найти работу в другом месте».

Увы, законы созданы для того, чтобы их нарушали, и это правило испытал на себе Элефтерос Капасалис, повар-грек из Ганновера. Хозяин уволил его, выдав следующую характеристику:

«Вышеупомянутый выполняет все возложенные задачи с большим усердием и охотно. Обладает профессиональными знаниями и отменным здоровьем. Его поведение — пример для остальных, его характер способствует созданию нормального климата в коллективе. Отдает все силы работе. Коллеги его любят, так как он умеет разрешить все насущные проблемы. Нас покинул по обоюдному согласию».

Капасалис ликовал: с такой характеристикой его могли бы взять даже шеф-пова-

ТРИ КАЗУСА ИЗ «ТРЕТЬЕЙ КОРЗИНЫ»

Этот несколько подзабытый термин — «третья корзина» — вошел в международный лексикон в период подготовки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Означенная условная емкость вмещала вопросы гуманитарного порядка: контакты между людьми, информационный обмен, сотрудничество в области культуры.

Не сосчитать, сколько громких взаимных обвинений — когда обоснованных, а когда и чисто пропагандистских — в нарушениях прав человека прозвучало и на Западе, и на Востоке. Но если права человека — категория из числа общечеловеческих ценностей, то

столь же очевидно и другое: в данной области (как, впрочем, и везде) неразумно посягать на обладание истиной в последней инстанции. Даже тем странам, которые по праву гордятся богатыми демократическими традициями. Подтверждением этому могут служить исследуемые «Крокодилом» казусы.

ром на священный Олимп стряпать богам амброзию. Но вскоре радость сменилась отчаянием: всюду, куда он обращался, ему вежливо отказывали. «Нет свободных мест», — виновато разводили руками владельцы ресторанов и бистро, кафе и даже снэк-баров. Причем сакраментальное разведение рук следовало тут же после ознакомления с характеристиками.

Грек уже не претендовал на божественное место, он хотел получить хоть какую-нибудь работу. Его охватили сомнения, и он обратился к адвокату. Однако и правоведа не усмотрел в характеристике ничего крамольного.

Раскрыть подноготную Капасалису удалось совершенно случайно в харчевне, где он познакомился с одним разорившимся бизнесменом. Тот за кружкой пива по секрету поведал, что все ганноверские предприниматели договорились использовать тайный шифр в характеристиках. Вот как звучала «ангельская» характеристика на Капасалиса, так сказать, в переводе:

«Вышеупомянутый не слишком расторопен. Чересчур много болтает на рабочем месте. Часто болеет. К своим обязанностям относится спустя рукава. Ленив, пьет много и без разбору. Любит волочиться за женщинами на работе. По всем этим причинам я выгнал его».

Капасалис подал жалобу против бывшего хозяина и выиграл судебный процесс: характеристику ему выдали новую. Но, кто знает, может быть, снова зашифрованную?

Рубен БЕКНАЗАР-ЮЗБАШЕВ.

СТРАСТИ ПО КОНСТИТУЦИИ

В отличие от персонажей Салтыкова-Щедрина, не знавших, чего хотелось: не то конституции, не то сверюжины с хреном, — британские интеллектуалы, поставившие свою подпись под «Хартией-88», недвусмысленно остановили свой выбор на первой. Им остро захотелось конституции.

«Как это?» — пораженно отшатнется непосвященный. В Британии, что же, конституции нету? Как же мыкается Мать Парламентов без Основного Закона? Или напрасно многие поколения борцов за гражданские права обращали свои взоры к стране, воплотившей, как сказал философ Дэвид Юм еще в 1741 году, принципы «широчайшей свободы»?

Ну, вообще говоря, не стоит мерить чужую жизнь на свой аршин. У них там много чего нет, что у нас есть, и наоборот. Известно, что наши сограждане, вместе с молоком матери впитавшие почтение к паспортной системе, узнав, что в той же Британии отсутствуют паспорта, долго ломают голову: а как

же там решают вопрос с пропиской? Положим, лондонской или манчестерской? А уж то обстоятельство, что цивилизованный мир вообще слабо знаком с понятием прописки, повергает особо впечатлительных в состояние сумеречного оцепенения. И Тауэр не рухнул в Темзу? И Корсика не отчалила от берегов прекрасной Франции, не вырвалась на просторы Атлантики?

Отсутствие конституции, конечно, не влечет за собой полного бесправия, как и наличие ее еще не гарантирует прав и свобод. В лучах «сталинской» конституции, самой, быть может, прогрессивной и демократичной на тот момент, витала «лагерная пыль», в которую растерли миллионы ни в чем не повинных людей. Конституция 1977 года не помещала помещать в «психушки» граждан, чья единственная вина состояла в том, что они лет на десять определили «большую прессу» по части гласного обсуждения наших недостатков.

Но факт остается фактом: на Британских островах писаной конституции действительно нет и никогда не было. А есть конституционная практика, и ее так называемую «статутарную основу» составляет ряд актов, начиная с Великой хартии вольностей, грамоты, подписанной в 1215 году королем Иоанном Безземельным (Билль о правах, «Хабас корпус», то есть Закон о неприкосновенности личности, Вестминстерский статут и др.).

Так что же заставило авторов «Хартии-88» (их более двухсот, включая актрис Гленду Джексон и Пегги Эшкрофт, драматургов Гарольда Пинтера и Денниса Портера, писателя Джона Фаулза, лауреата Нобелевской премии ученого Джеймса Блека) взвалить конституцию писаной? И почему это произошло именно сейчас?

Дело в том, что, по мнению многих британцев, придерживающихся левых политиче-

ских убеждений, правительство тори способствует эрозии демократических прав и свобод. Профессор права из Оксфордского университета Рональд Дворкин, например, утверждает, что Даунинг-стрит превращает свободу «в товар, который можно выбросить, если стоимость его длительного хранения станет слишком высокой». «Это еще не депотизм, но это девальвирует свободу и унижает нацию», — считает Дворкин. «Левые» стараются не быть голословными. Недавно, напоминают они, правительство внесло поправки в закон о государственной тайне, запрещающие, в частности, сотрудникам (даже бывшим) секретных служб предавать гласности любую информацию, касающуюся их деятельности. Аналогичным образом журналист, опубликовавший такую информацию, может подвергнуться судебному преследованию. Далее, тори стремятся легализовать прослушивание телефонных разговоров и право секретных служб открыто нарушать священный для каждого британца принцип «Мой дом — моя крепость». И совсем уж члены кабинета «потеряли лицо», когда стали настаивать на увольнении служащего МИДа, направившего в редакцию газеты письмо с неслучайной характеристикой политики М. Тэтчер...

Под огнем критики «слева» оказался и Закон о предотвращении терроризма, дающий полиции право задерживать любого подозреваемого на недельный срок. Кстати, тут с авторами «Хартии-88» солидарен и Европейский суд по правам человека, осудивший Великобританию за действия, несовместимые с Европейской конвенцией 1984 года. Впрочем, Маргарет Тэтчер отнеслась к этому решению суда без особых эмоций, заявив, что «права потенциальных жертв террористов тоже нуждаются в защите».

«Левые интеллектуалы просто-напросто пришли в отчаяние за десять лет правления тори, не видя ему конца», — считает обозреватель газеты «Индепендент» Питер Дженкинс.

«Любое правительство, которое слишком долго находится у власти, рано или поздно скатывается к попранию гражданских свобод», — отвечают с левого фланга.

Впрочем, большинство наблюдателей уверены, что идея «писаной конституции» вряд ли найдет много сторонников на Британских островах. Она не пришлась по душе даже лейбористам, которые уже столько лет пребывают в оппозиции.

В наиболее жесткой форме выступил против этой идеи Айвор Стэнбрук, председатель конституционного комитета консервативов: «Писаная конституция не для Британии. Мы ведем военные действия в Северной Ирландии. Конечно, нам приходится принимать некоторые чрезвычайные меры, как и тогда, когда мы воевали с нацистской Германией».

Ну, тут Айвор Стэнбрук, на наш непросвещенный взгляд, несколько перехватил. Возможно, в полемическом задоре. Как, наверное, и газета «Дейли мэрроу», снабдившая карикатуру на своего премьер-министра подписью «Великий диктатор». Сама возможность публикации этаких карикатур свидетельствует о том, что кое-какие свободы на Британских островах еще остались.

Леонид ЛАВРЕНТЬЕВ.

Отец спрашивает сына:
 — Что сегодня было на уроках?
 — На химии изучали взрывчатые вещества.
 — А что завтра будете делать в школе?
 — В какой школе, папа?

В ресторане посетитель обращается к официанту:
 — Что-то последнее время у вас заметно уменьшились порции.
 — Это оптический обман, пан. Просто мы расширили зал, и поэтому порции кажутся меньшими.

Приезжий интересуется стоимостью комнат в отеле.
 — На первом этаже номера по 50 долларов, на втором — 40, на третьем — 30 за ночь.
 Приезжий поблагодарил за информацию и направился к выходу.
 — Вам не нравится наш отель?
 — Очень нравится, но он слишком низкий.

В консерватории на экзамене по вокалу абитуриентка спрашивает преподавателя:
 — Простите, но я хочу знать правду: мой голос куда не годен?
 — Нет, почему же. Он может пригодиться, например, при пожаре или ограблении.

Звонок в дверь. Муж отпирает.
 — Я душитель женщин из Бостона, — говорит человек в маске, стоящий на пороге.
 Муж поворачивается и кричит жене:
 — Милочка, это к тебе пришли.

Муж и жена проводят инвентаризацию домашних бумаг. Роясь в конверте с надписью «ВАЖНЕЙШИЕ ДОКУМЕНТЫ», муж спрашивает:
 — Дорогая, ты не знаешь, куда делось свидетельство о заключении брака?
 Застенчиво улыбаясь, жена протягивает ему пакет, на котором значится: «ГАРАНТИЙНЫЕ ТАЛОНЫ».
 Из журналов «Дикобраз», «Рогач» (СССР) и «Ридерз дайджест» (США).

Чавдар ШИНОВ (НРБ)

МЕРЗАВЦЫ В АВТОБУСЕ

На остановке из автобуса вышли три человека.
 — Должен выйти еще один! — сообщила кондукторша. — Я отрывала четыре билета по двадцать стотинок...
 Пассажиры молчали.
 — Еще один должен выйти! — мрачно повторила она и осмотрела салон.
 Шофер закурил.
 — Плохой пошел народ! — он затаился и выдохнул дым на Софи Лорен, прикрепленную над лобовым стеклом. — Обманывают, воруют, на халяву все норовят...

Автобус заурчал и двинулся.
 — Предупреждаю! — выкрикнула кондукторша. — Дальше будет проверка! Пассажиры молчаливо поглядывали друг на друга.
 — Дьяволы! — продолжала возмущенная кондукторша, переводя взгляд с сиденья на сиденье. — Какие люди, глянь! Каждый куда-то тащится, каждому куда-то надо! Машины покупают, дачи строят, и все за общественный счет! Опасные типы...

Типы застыли на сиденьях, автобус, скорбно вздохнув, тронулся.
 На следующей остановке у тех, кто выходил, она проверила билеты. Безбилетника среди них не оказалось.
 — Врут, изворачиваются! — продолжила кондукторша, когда автобус вновь тронулся. — Мошенники! Грабители!
 Шофер открыл боковое окошко, бросил окурочку, обернулся назад, с отвращением посмотрел на пассажиров и добавил:
 — Бандиты!

На следующей остановке сошло еще пять человек. Бандита, который ехал по билету за двадцать стотинок там, где билет уже стоил шестьдесят, тоже не оказалось.

Нарушителя не раскрыли и на следующей остановке.
 — Какие железные нервы у некоторых! — гневно выкрикнула кондукторша. — Я бы не выдержала! Просто не смогла бы...
 — А они и глазом не моргнут! — прокричал в ответ шофер. — Привыкли! Конченые люди! Преступники!

Неумолимо, как судьба, автобус приближался к последней остановке. В салоне осталось три пассажира, которые испуганно и подозрительно разглядывали друг друга.

— Но придет час расплаты! От правды не уйдешь! — как диктор на радио вещала кондукторша, глядя с тихой радостью прокурора на трех оставшихся пассажиров. — Сейчас мы его разоблачим, мерзавца, оштрафуем! Потом отправим на суд общественности, а там и до тюрьмы недалеко...

Водитель время от времени поворачивал голову и оглядывал почти пустой автобус:
 — А лица какие, черт бы их побрал! Никогда и не подумаешь! — старался перекричать он шум мотора. — Такие гады самые опасные!

На последней остановке после проверки оказалось, что и оставшиеся трое имеют нормальные билеты. Какое-то время кондукторша молчала, потом открыла свою кожаную сумку, просмотрела рулоны с билетами, контрольную ведомость... И сказала:

— Ошибка вышла! Вместо трех билетов по двадцать записала четыре! С этими чертовыми пассажирами, которые нервы треплют, каких только ошибок не наделаешь...

— Это точно, я о пассажире и слова доброго не скажу, — согласился шофер и закурил новую сигарету. — От пассажира всего можно ожидать...

Перевел Игорь ИЛИНГИН.

МАКСИМЫ ГЕТЕ

Мало кто знает великого Гете как большого мастера краткого, отточенного слова. Между тем в его дневниках — 1356 максим и изречений.

В год 240-летия Иоганна Вольфганга Гете Крокодил предлагает вниманию своих читателей подборку изречений автора бессмертного «Фауста».

Ни в чем так не проявляется характер людей, как в том, что они находят смешным.

Нет ничего более вредного для новой истины, чем старое заблуждение.

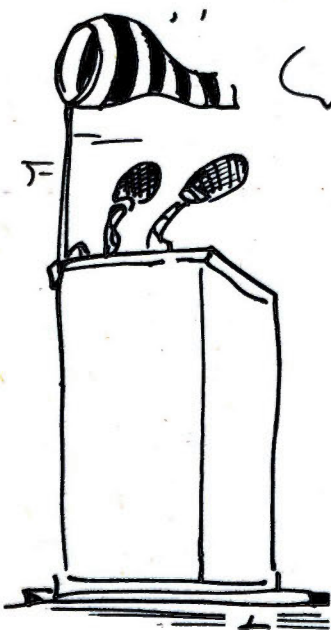
Мы охотнее признаем свои ошибки в поведении, чем в мышлении.

Где глупость — образец, там разум — безумие.

Как много людей воображают, будто понимают все, что узнают.

Техника в сочетании с дурным вкусом — это самый страшный враг искусства.

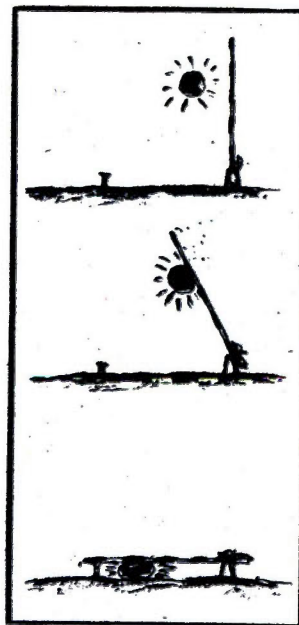
Перевел А. ФЮРСТЕНБЕРГ.

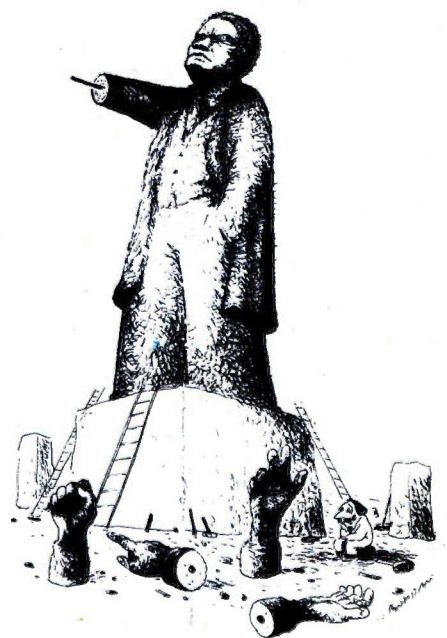
«Павлиха», Югославия.

«Пардон», ФРГ.

«Ойленшпигель», ГДР.

«Шпильки», Польша.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА!..

Евгений ЕВТУШЕНКО

Его стихов не позабыть,
А фильмы забываем скоро:
Поэтом он не мог не быть,
Но мог не быть бы режиссером!

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

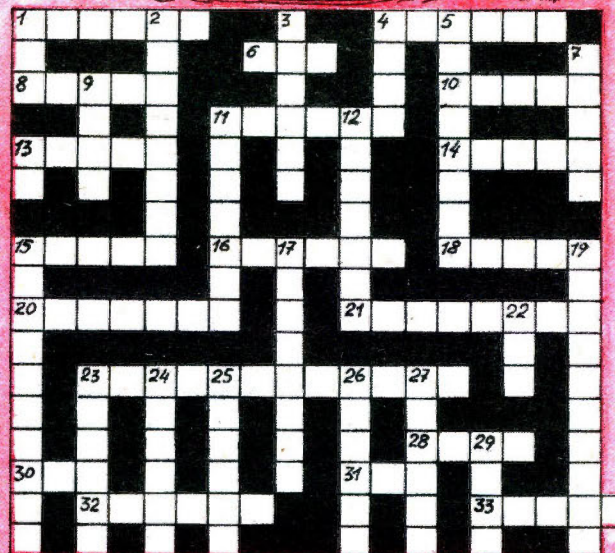
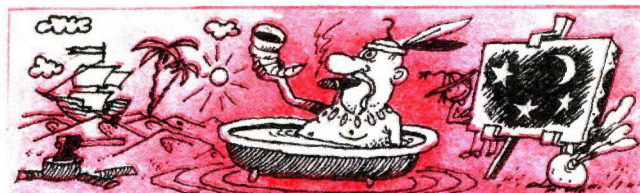
Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Звероловка. 4. Тягомотина (нефтехим.). 6. Кривой стакан (кавказск.). 8. Занятие, после которого кулаками не машут. 10. Родоначальник блошиного сервиса. 11. Лысогорка (нечист. сил.). 13. Профессиональный холостяк. 14. Пловец ко дну. 15. Крышка двигателя (автомобильн.). 16. Запорожская носогрейка. 18. Дойный орех. 20. Самый консервативный состав. 21. Знайка с приставкой. 23. Книга по всем статьям. 28. Полсуток. 30. Призыв к действию в корень (прутковск.). 31. Подводная мера длины (жюльверн.). 32. Габариты Цахеса. 33. Счеты для службы (канонич.).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Условность, препятствующая входу (жилищ.). 2. Сын матери порядка. 3. Богатырский несун (сказочн.). 4. Лунный овощ (песен.). 5. Маленькие да дорогие 4,266 гр. 7. Лошадиный лейбл. 9. Родоначальница анютиных глазок. 11. Песочно-транспортное средство. 12. Витринный показатель (этимолог.). 13. Коровье словцо. 15. Гибрид куртки и штанов. 17. Объект мышинного злорадства (мульти.). 19. Главкондитерпотреб. 22. Щипучка. (мед.) 23. «Нашел» в Древней Греции. 24. Единоглаз (мифич.). 25. Забойная кривая (спорт.). 26. Детский киноинегрет. 27. Первый человек, которого увидел Колумб, открывши Америку. 29. Темная противоположность п. 28.

Составил М. ШЕХОВЦОВ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Кортик. 7. Мозаика. 8. Португеп. 11. Лога-рифм. 13. Пенсне. 14. Трюизм. 15. Карман. 16. Клико. 18. Кенгуру. 20. Штанина. 22. Погода. 23. Тонзура. 24. Угон. 26. Метеорит. 28. Аттестат.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Анфилада. 2. Кораблекрушение. 4. Колесо. 5. Кумир. 6. Версия. 8. «Пли». 9. Ром. 10. Лестница. 12. Ржавчина. 14. Три. 16. Крап. 17. Колоннада. 19. Табу. 21. Отрез. 25. Глас. 27. Тятя.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Прислал В. Воробьев, г. Иркутск.

«Начальнику ДУ 624 тов. Просняницкому Л. К.

Киевский областной совет Украинского общества охотников и рыболовов просит отпустить на 11 декабря 1987 года Вашего сотрудника тов. Вдовичина А. Н. для участия в Республиканских состязаниях охотничьих собак...»

Прислал Н. Тараненко, г. Белая Церковь.

«Планируем построить большой магазин на сто мелочей».

(Из выступления) Прислал А. Волгакин, Приморский край.

«К сведению покупателей. Продажа моющих средств в городе будет осуществляться с 21 февраля по талонам на сахарный песок (за март)».

(Объявление в газете «Кулебакский металлист») Прислала А. Рублевская, Горьковская область.

Прислал Коваленко, г. Валдай.

КАРАУЛ! ЯПОНЦЫ ЛЕЗУТ В ДУШУ!

Ясуо Йоситоми, карикатурист, он же — президент Международного общества юмористов Киото, он же — основатель и ведущий преподаватель факультета карикатуры в Сейка-колледж, Киото, пишет:

«Мы, японцы, не можем понять образ жизни других стран, современную культуру, рассматривая картины давно ушедших художников. Карикатура же — моментальное острое отображение реальной жизненной силы каждой страны сегодня. Это вид искусства, позволяющий заглянуть в душу народа».

Поэтому осенью 1990 года в Японии состоится Первая международная выставка карикатуры

200 РАБОТ ЯПОНСКИХ И ИНОСТРАННЫХ КАРИКАТУРИСТОВ

Рисунки будут экспонироваться в Киото, затем выставка совершит турне по Японии. В дальнейшем работы будут помещены в Историческую библиотеку карикатуры.

Художники, желающие принять участие в выставке, могут выслать свои оригинальные карикатуры по адресу:

Г-ну Ясуо Йоситоми, Международное общество юмористов, Киото, Япония.

Учитывая, что конкурс, по-видимому, будет достаточно жестким (отберут всего 200 работ!), Крокодил призывает карикатуристов отнестись внимательно и серьезно к этому предложению. Япония должна увидеть лучшее, на что мы способны.

КРОКОДИЛИНКИ

Рисунок А. БАВЫКИНА, г. Мурманск.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА.

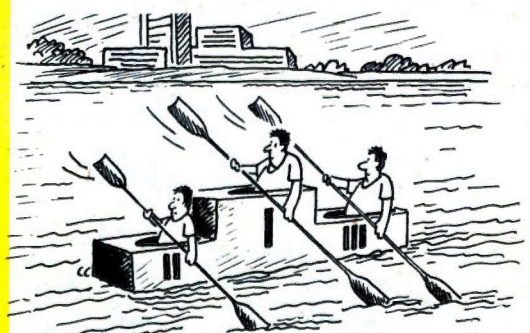
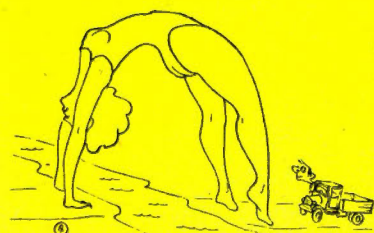
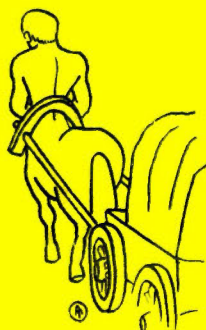

Рисунок А. УМЯРОВА.

— Простите, у вас случайно нет лишнего билетика?

Рисунок В. ДУБОВА.

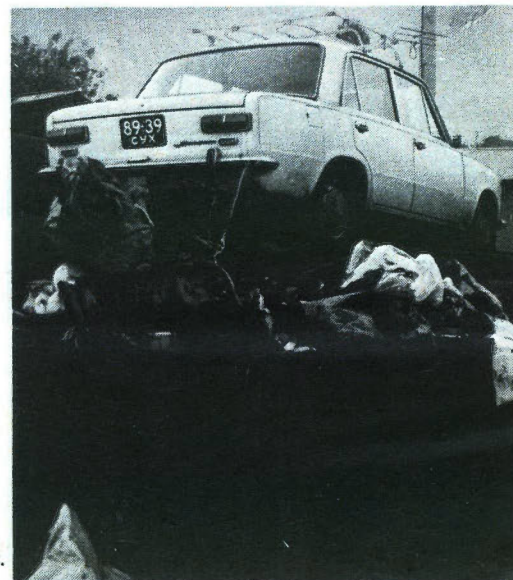
Рисунки А. ТАРАНЦЕВА, г. Мытищи.

ОБЪЕКТ и ВЫ

АВТОСТРАСТИ

Г. ГОЛОВКОВ, г. Калуга.

С. КОШЕВАРОВ, г. Сумы.

М. ИСМАИЛОВ, А. ШКАЛИКОВ, г. Днепропетровск.

Х. АРКЕЛОВ, г. Черкесск.